

Иван Тургенев

Холостяк

Иван Тургенев

Холостяк

«Public Domain»

1849

Тургенев И. С.

Холостяк / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1849

Продолжая в «Холостяке» гоголевские традиции и предвосхищая пьесы из чиновничьего быта А. Н. Островского, Тургенев сумел показать, без сатирического пафоса, без нарочито обнаженной тенденциозности, но с беспощадной трезвостью реалиста, своих Мошкиных, фон Фонков и Вилицких в примитивной домашней обстановке, обусловленной социальным положением, кастовыми предрассудками, низким культурным уровнем, аморальностью и карьеризмом, воспитанными в этих персонажах крепостническим государством и николаевской полицейско-бюрократической системой.

© Тургенев И. С., 1849

© Public Domain, 1849

Содержание

Действующие лица	5
Действие первое	6
Действие второе	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Иван Сергеевич Тургенев

Холостяк

Комедия в трех действиях

Действующие лица

Михайло Иванович **Мошкин**, коллежский ассессор, 50 лет. Живой, хлопотливый, добродушный старик. Доверчив и привязчив. Сангвинического темперамента.

Петр Ильич **Вилицкий**, коллежский секретарь, 23 лет. Нерешительный, слабый, самолюбивый человек.

Родион Карлович фон **Фонк**, титулярный советник, 29 лет. Холодное, сухое существо. Ограничен, наклонен к педантизму. Соблюдает всевозможные приличия. Человек, как говорится, с характером. Он, как многие обруселые немцы, слишком чисто и правильно выговаривает каждое слово.

Филипп Егорович **Шпундик**, помещик, 45 лет. С претензиями на образованность.

Марья Васильевна **Белова**, сирота, проживающая у Мошкина, 19 лет. Простая русская девушка.^{1}

Екатерина Савишна **Пряжкина**, тетка Марьи Васильевны, 48 лет. Болтливая, слезливая кумушка. В сущности эгоистка страшная.

Алкивиад Мартынович **Созомэнос**, приятель Фонка, 35 лет. Грек, с крупными чертами лица и низким лбом.

Маланья, кухарка Мошкина, 40 лет. Тупоумная чухонка.

Стратилат, мальчик в услужении у Мошкина, 16 лет. Вообще глупый, но еще более поглупевший от роста.

Митька, слуга Вилицкого, 25 лет. Бойкий слуга, доразвившийся в Петербурге.

Почтальон.

Действие происходит в Петербурге: 1-е и 3-е действия на квартире Мошкина; 2-е – на квартире Вилицкого; между 1-м и 2-м действиями – пять дней; между 2-м и 3-м – неделя.

^{1} *Марья Васильевна Белова, сирота, проживающая у Мошкина, 19 лет. Простая русская девушка.* – В рукописи и в первой журнальной редакции фамилия Маши не Белова, а Белокопытова. Это фамилия не случайна, – ее носила воспитанница матери Тургенева, Е. С. Белокопытова, ставшая в 1846 г. женою Н. Н. Тургенева (1795–1880), дяди писателя. В театральных списках комедии Белокопытова была переименована в 1849 г. в Белоногову; фамилия Белова в печатном тексте «Холостяка» впервые появляется в *Т, Соч, 1869*, ч. VII.

Действие первое

Театр представляет гостиную не богатого, но и не бедного чиновника. Направо два окна; между окнами зеркало; столик перед зеркалом. Прямо дверь в переднюю; налево дверь в другую комнату. Спереди тоже налево диван, круглый стол и несколько кресел; угол направо отгорожен зелеными ширмами. На диване лежит Стратилат. Стенные часы бьют два часа.

Стратилат. Раз... два... Два часа. Что это барин нейдет? (*Молчит.*) Я, кажется, соснул маленько. (*Опять молчит.*) А мне, никак, опять есть хочется. (*Посвистывает, берет со стола и разворачивает книгу.*) Эка, подумаешь, слов-то, слов-то! Ну-ка это... да длинное же оно какое! (*Начинает разбирать по складам.*) Покой, арцы, он – про; слово, веде, ять – све – просве; ша, есть, наш – щен – просве... просве... просвещен; наш, ять – иже с краткой – ней – просве... просвещенней; ша, иже – ши – про... све... ценнейши; мыслете, иже. (*В передней раздаётся звонок. Стратилат поднимается, но не выпускает книги из рук.*) Мыслете, иже – ми – просве... просвещенней... (*Опять звонок.*) Тьфу ты, чёрт! Вот тут и выучись читать! (*Бросает книгу на стол и бежит отворять.*)

Мошкин (*входит. У него под мышкой голова сахару; в одной руке бутылка, в другой дамский картон*). Спал небось!

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин. Да... можно тебе поверить. (*Указывая ему шеей и плечом на сахарную голову.*) На, возьми. Отнеси Маланье. (*Стратилат достаёт голову. Мошкин идет на авансцену. Стратилат хочет идти.*) Марья Васильевна дома?

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин. Куда она пошла, не знаешь? (*Ставит картон и бутылку на стол и вынимает из заднего кармана пакет.*)

Стратилат. Не знаю-с. Тетушка за ней заходили-с.

Мошкин. Давно?

Стратилат. С час будет-с.

Мошкин. А Петр Ильич без меня не был?

Стратилат. Никак нет-с.

Мошкин (*помолчав немного*). Ну, ступай. Да, позови, кстати, Маланью.

Стратилат. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Мошкин (*ощупываясь*). Кажется, ничего не забыл. Всё, кажется, купил. Всё. Точно. (*Вьнимая из кармана завернутую стеклянку.*) Вот и одеколон. (*Кладет стеклянку на стол.*) Который-то час? (*Глядит на часы.*) Третий в начале. Что ж это Петруша нейдет? (*Опять глядит на часы.*) В начале третий. (*Опуская руку в боковой карман.*) Вот и деньги его готовы. (*Ходит по комнате.*) Захлопотался я совсем. Ну, да и случай-то ведь какой! (*Входят Маланья и Стратилат. Мошкин живо обращается к ним.*) Ведь сегодня пятница?

Стратилат. Пятница-с.

Мошкин. Ну, конечно. (*Маланье.*) Что ж обед – будет?

Маланья. Будет-с. Как же-с!

Мошкин. И хороший обед?

Маланья. Хороший. Как же-с!

Мошкин. Смотри, матушка, не опоздай. Всё у тебя есть?

Маланья. Как же-с! Всё-с.

Мошкин. Ничего тебе не нужно?

Маланья. Ничего-с. К буденику мадеры пожалуйстае.

Мошкин (*подавая ей со стола бутылку*). На, на, на тебе мадеру. Ну, смотри же, Маланья, отличись. У нас сегодня гости обедают.

Маланья. Слушаю-с.

Мошкин. Ну, я тебя не держу; ступай с богом. (*Маланья уходит.*) Стратилат! Новый фрак мне приготовь и галстук с бантом – слышишь? (*Стратилат тоже уходит. Мошкин останавливается.*) Да что это я бегаю, словно угорелый? (*Садится и утирает лицо платком.*) Устал я, нечего сказать!.. (*Раздается звонок.*) Кто бы это? Должно быть, Петруша. (*Прислушивается.*) Нет, не его голос.

Стратилат (*входит*). Какой-то господин вас желают видеть-с.

Мошкин (*торопливо*). Какой господин?

Стратилат. Не знаю-с. Незнакомый-с.

Мошкин. Незнакомый? Да ты бы спросил у него, кто он такой?

Стратилат. Я и то у них спрашивал-с. Они говорят, что вас самих желают видеть-с.

Мошкин. Странно! Ну, проси. (*Стратилат выходит. Мошкин с волнением смотрит на дверь. Входит Шпундик. На нем длинный гороховый сюртук.*)

Шпундик (*подходя к Мошкину*). Вы меня не узнаете?

Мошкин. Я? Я, признаюсь, кажется... не имею чести...

Шпундик (*с дружесколюбным упреком*). Миша, Миша! старых приятелей так-то ты забываешь...

Мошкин (*вглядываясь*). Неужели?... да нет... точно... Филипп? (*Шпундик раскрывает объятия.*) Шпундик!

Шпундик. Я, Миша, Я... (*Бросаются друг другу на шею.*)

Мошкин (*прерывающимся голосом*). Друг... какими судьбами... давно ли? Садись. Вот не ожидал... вот случай... (*Они опять обнимаются.*) Садись, садись. (*Оба садятся и глядят друг на друга.*)

Шпундик. Эге-ге, брат, как мы с тобой постарели!

Мошкин. Да, брат, да. Постарели, брат, постарели. Да ведь легкое ли дело? Что ж, чай, лет двадцать не видались?

Шпундик. Да, двадцать лет будет. Как время-то проходит! Миша, а? Помнишь...

Мошкин (*перебивая его*). Я, брат, гляжу на тебя и просто глазам не верю. Шпундик, Филипп, у меня в Питере – а? Добро пожаловать, дружище! Как ты меня сыскал?

Шпундик. Вона! Чиновника разве мудрено сыскать? Я знал, в каком ты министерстве служишь. Кучин, Ардалион, прошлым летом ко мне в деревню заезжал... Ведь ты Ардашу Кучина помнишь?

Мошкин. Какой это Кучин? Ах, да это не тот ли, что на дочери купца Караваева женился – и приданого, помнится, не получил?

Шпундик. Тот, тот самый.

Мошкин. Помню, помню. А он еще жив?

Шпундик. Жив, как же! Ну, вот от него-то я и узнал, где ты служишь... Да! Лупинус велел тебе кланяться.

Мошкин. Иван Афанасьич?

Шпундик. Какое Иван Афанасьич! Ивана Афанасьича давно на свете нет; сын его, Василий... помнишь, он еще хромой?

Мошкин. Ах, да, да.

Шпундик. Ну, вот он. Он у нас судьей теперь.

Мошкин (*качая головой*). Скажи, пожалуйста! Время-то, время – а? Да, кстати, Бундюков жив?

Шпундик. Жив. Что ему делается? Он в прошлом году старшую дочь за немца-землемера выдал. Как же, как же! Бундюков тебе тоже кланяться велел. Мы все о тебе часто вспоминаем, Миша!

Мошкин. Спасибо, Филипп, спасибо. Да не хочется ли тебе чего-нибудь? Водки, что ли, закусить... Пожалуйста. Трубки не прикажешь ли? Ведь мы с тобой по-старому? (*Треплет его по ляжке и отнимает у него картуз.*)

Шпундик. Благодарствуй, Миша. Я не курю.

Мошкин. А закусить?

Шпундик. Нет, благодарствуй.

Мошкин. Чай, устал с дороги?

Шпундик. Ну, не могу сказать; почитай, с самой Москвы все спал.

Мошкин. Ведь ты у меня обедаешь?

Шпундик. Изволь.

Мошкин. Ну, вот умница. Так-то, дружище, так-то! Не ожидал, признаюсь, не ожидал. Кстати, ты женат?

Шпундик (*со вздохом*). Женат. А ты?

Мошкин. Нет, я, брат, того... я не женат. – И дети есть?

Шпундик. Как не быть! Пять человек. По их милости я вот и сюда притащился.

Мошкин. А что?

Шпундик. Да нельзя же, брат. Ведь надобно ж их куда-нибудь поместить.

Мошкин. Разумеется, разумеется... А где ты остановился?

Шпундик. Представь, близехонько. Трактир «Европу» знаешь?.. вот за Сенной. Тоже по рекомендации Кучина. Ну, брат, Петербург, скажу, город! Я еще только на Дворцовую площадь успел сходить. Признаюсь... Исакий-то, Исакий-то один чего стоит? Ну, вот и тротуары... достойны удивленья.

Мошкин. Да, да... у тебя еще глаза разбегутся, погоди... А что, Филипп, помнишь, у нас там соседка была...

Шпундик. Татьяна Подольская небось?

Мошкин. Да, да, она, она.

Шпундик. Приказала долго жить, Миша... вот уж девятый год.

Мошкин (*помолчав немного*). Царство ей небесное! – Ну, а что, дела твои как идут?

Шпундик. Помаленьку, брат, слава богу; я не жалуясь. А твои как? С тех пор как ты от нас переселился, чай, в большие чины попасть успел?

Мошкин. Нет, брат, куда нам! Какие тут большие чины! Тоже помаленьку.

Шпундик. Однако ж крестик-то есть?

Мошкин. Ну, крестик-то есть... (*Взглядывает на дверь.*)

Шпундик. Ты словно ждешь кого-то?

Мошкин. Да, жду. (*Потирая руки.*) Я, брат, в больших хлопотах теперь.

Шпундик. А что?

Мошкин. Угадай.

Шпундик. Да где же мне...

Мошкин. Нет, угадай, угадай.

Шпундик (*глядя ему прямо в глаза*). Да ты... послушай, ты уж не жениться ли хочешь? Не женись, Миша, я тебе говорю!

Мошкин (*смеясь*). Не беспокойся, брат... В мои-то лета! А только ты угадал – у меня и то в доме свадьба.

Шпундик (*указывая на стол*). То-то я гляжу... Что за покупки такие? Кто ж это у тебя женится?

Мошкин. А вот погоди, я тебе – не теперь, теперь недосуг... а эдак вечерком, что ли, многое кое-что порасскажу. Ты удивишься, братец. Впрочем, в коротких словах можно, пожалуй, и теперь. Вот видишь ли, Филипп, вот это у меня гостиная, а я вот сам тут сплю... (*Указывая на ширмы.*) В других-то комнатах у меня воспитанница живет, сирота круглая. Ее-то вот я замуж и выдаю.

Шпундик. Воспитанница?

Мошкин. Да; то есть она, впрочем, девица благородная, титулярного советника Белова дочь; с покойницей ее матушкой я незадолго до смерти познакомился – и странный такой случай вышел. Удивительно, право, как это иногда бывает... точно, должно сознаться, судьбы неисповедимы! Надобно тебе сказать, Филипп, что я на этой квартире всего третий год живу; а Машина-то матушка с самой смерти мужа своего две маленькие комнаты здесь в четвертом этаже занимала; а умер он таки давненько. (*Со вздохом.*) Говорят, перед смертью ноги себе отморозил – посуды, каков удар? Старушка жила в крайней бедности; пенсия небольшая, кой-кто благотворил – плохие, знаешь, доходы. Вот я, брат, иду раз к себе по лестнице – а дело было зимой – дворник наплескал воды, да и не подтер, вода-то на ступеньках замерзла... (*Внимая табакерку.*) Ты табак нюхаешь?

Шпундик. Нет, спасибо.

Мошкин (*сильно понюхав табак*). Вот иду я... Вдруг мне навстречу старушка, Машина-то мать; я с ней тогда еще знаком не был. Посторониться, что ли, она захотела, или уж такая задача вышла, только вдруг она как поскользнулась, да навзничь, да и переломи себе ногу... Под себя, знаешь, эдак. (*Встает, показывает Шпундику как и опять садится.*) Посуди, брат, в ее лета, каково положение? Я, разумеется, тотчас ее поднял, позвал людей, снес ее в комнату, уложил, побежал за костоправом... Намучилась она, бедняжка – а уж дочь-то, господи, боже мой! Вот с тех пор я и начал к ним ходить, да каждый день, каждый день... Полюбил их, ты не поверишь, – словно родных. Целые шесть месяцев вылежала старушка; ну, наконец выздоровела, стала на ноги; да вдруг нелегкая ее дерни сходить в баню: опрятность, вишь, одолела; сходила, простудилась, похворала дня четыре да богу душу и отдала. Похоронили мы ее на последние денежки... (*Складывает руки крестом.*) Ну, теперь посуды сам, Филипп, каково было положение дочери – а? Нет, скажи, а? Родных – никого. То есть, признаться сказать, есть у нее одна родственница, вдова, Пряжкина Екатерина – по отце тетка ей доводится; да у Пряжкиной у самой гроша нет за душой медного. Правда, в Конотопском уезде жил тогда, да и теперь, чай, не издох, матери ее двоюродный брат, Грач-Пехтеря, помещик, говорят, с достатком человек; я ему тотчас же после смерти старухи Беловой и написал, что, дескать, вот как, вот как; помогите, дескать, войдите; а он мне в ответ: «Всех-де нищих не накормишь; коли вас, мол, так состраданье разобрало, так возьмите ее к себе, а мне не до того». Что ж? Я-то ее и взял к себе. Она сперва долго не соглашалась... да я настоял. Что, я говорю, помилуйте? Что вы? Я старый человек, бездетный; я вас как родную дочь люблю. Куда же вы денетесь, помилуйте? не на улицу же вам идти. Притом же и покойница на смертном одре мне ее поручала... Ну, вот она и согласилась. Вот и живет она с тех пор у меня. А уж что за девушка, Филипп, кабы ты знал! Да ты ее увидишь... Вот посмотри, ты ее с первого взгляда полюбишь...

Шпундик. Верю тебе, Миша, верю... А за кого же ты ее замуж выдаешь?

Мошкин. А тоже за хорошего человека; за отличного молодого человека. И всё это устроил твой покорный слуга. Я, брат, должен про себя сказать: я на судьбу жаловаться не могу; я счастлив, ей богу, счастлив... не по заслугам.

Шпундик. А как его зовут, можно спросить?

Мошкин. Отчего же? конечно, можно. Дело совсем слажено; недели через две, бог даст, и свадьба. Вилицкий, Петр Ильич. Его Вилицким зовут. Он со мной в одном министерстве служит. Прекрасный молодой человек. В двадцать три года коллежский секретарь, на днях титулярный, и на виду. Он далеко пойдет. Не богат он, точно, да что за беда! Малый с головой,

работящий, скромный... Знакомства хорошие имеет. Он сегодня у меня обедает; впрочем, он почти каждый день у меня обедает, – только сегодня он хотел с собой привести одного своего приятеля, молодого тоже человека, но, знаешь, этакого... *(Делает значительные движения.)* Состоит при самой особе министра... ну, понимаешь...

Шпундик. Э, Э? *(Взглянув на себя.)* Как же, брат? мне нельзя же так остаться... Позволь, я схожу фрак надену.

Мошкин. Вот вздор какой!

Шпундик *(вставая)*. Ну нет, Миша... на этот счет позволь уж мне... того... распорядиться. Этак гость твой, пожалуй, подумает бог знает что; это что, скажет, за степная ворона такая?.. Нет, я, брат... я ведь тоже с амбицией, воля твоя.

Мошкин *(вставая тоже)*. Ну, как хочешь... только смотри не опоздай.

Шпундик. Духом сбегаяю. *(Берет картуз.)* Так вот, брат, ты с какими людьми водишься... *(Пожимая ему руку.)* А я на тебя, Миша, надеюсь... насчет сынишки, знаешь... да и, кроме того, жена моя мне столько комиссий надавала, что беда! Одной помады на десять рублей заказала, и всё первого сорта, косметик-бергамот. Помогите, брат; ты, я вижу *(указывая на покупки)*, на всё мастер.

Мошкин. С моим удовольствием, душа моя. И сам похлопочу и Петю попрошу. Он у меня такой услужливый; гордости, знаешь, ни малейшей. Только он всё как будто хворает с некоторых пор, словно не в духе.

Шпундик. Перед свадьбой-то?

Мошкин. Да и мне что-то нездоровится. Впрочем, это пустяки. Захлопотались мы с ним – вот и всё тут. А я всё-таки к твоим услугам. Сделай одолжение, брат, без церемоний.

Шпундик *(жмет ему руку)*. Спасибо. Ты, я вижу, не переменялся.

Мошкин. Надеюсь. *(Тожже жмет ему руку.)* А ведь вот и с Петрушей тоже удивительно как я сошелся!

Шпундик *(который собирался идти)*. А что?

Мошкин. Ну, это я тебе после расскажу. Вообрази себе, ведь и он сирота. Родителей лишился в детстве, дядя-опекун в Петербург его привез, на службу его поместил, и странное такое при этом вышло обстоятельство... Впрочем, я это тебе всё после расскажу, а только он полный курс наук в гимназии окончил, именье, впрочем, всё потерял; к счастью, я тут подвернулся... Однако я тебя не удерживаю... скоро три часа...

Шпундик. А обед в котором часу?

Мошкин. В четыре, брат, в четыре...

Шпундик. Ну, так я еще успею... *(В передней раздается звонок.)* Уж это не гости ли?

Мошкин *(прислушиваясь)*. Может быть... Да что же это Маша нейдет?

Шпундик *(в волнении, оглядываясь)*. Как же, брат, это... нельзя ли... того... как-нибудь...

(Входит Маша с Пряжкиной, в салонах. Они их не снимают.)

Мошкин *(увидя их)*. А! легка на помине!.. Где это вы пропадали?

Пряжкина. Да, батюшка, покупки, покупки все...

Мошкин. Ну, хорошо, хорошо. *(Маше.)* Маша, рекомендую тебе старого моего приятеля и соседа, Филиппа Егорыча Шпундика. *(Шпундик кланяется; Маша приседает; Пряжкина глядит на Шпундика во все глаза.)* Он вот только сегодня из деревни приехал, с родины мне весточку привез. Прошу любить и жаловать.

Шпундик *(Маше)*. Вы извините меня, сударыня, если я... в таком, так сказать, дорожном нигляже... Я не мог знать... *(Шаркает.)*

Мошкин. Вот вздумал извиняться! Экой политичный! (*Маше.*) А ты сегодня что-то бледна, Маша? или ты устала?

Маша (*слабым голосом*). Устала.

Мошкин (*Пряжкиной*). Уж вы слишком много с ней бегаете, Катерина Савишна; право, вы ее замучите... Ну, однако, ступайте... Четвертый час, а вы еще не одеты. Что наш новый гость подумает? А он того и гляди нагрнет... Ступайте.

Пряжкина. Мы не опоздаем, не бойтесь...

Мошкин. Ну, хорошо, хорошо. Да вот возьмите шляпку, одеколон тоже, и прочее тут всё... (*Отдает ей покупки. Маша и Пряжкина уходят в дверь налево. Мошкин обращается к Шпуньдику.*) Ну что, Филипп, как тебе моя Маша нравится?

Шпундик. Очень, брат, она мне нравится... Очень, очень.

Мошкин. Ну, я знал... Однако ступай, коли уж тебе так надобно.

Шпундик. Как же, брат, нельзя... Мне и так перед дамами смерть было совестно... Впрочем, я сейчас явлюсь. (*Уходит в переднюю.*)

Мошкин (*кричит ему вслед*). Смотри же не замешкайся! (*Ходит по комнате.*) Экой денек! А я рад Шпуньдику... Он хороший человек. (*Останавливается.*) Что бишь?.. Да; отчего это Маша бледна сегодня? Ну, впрочем, это понятно... Однако что ж я не одеваюсь? Стратилат! А Стратилат! (*Стратилат входит.*) Фрак подай и другой галстук. (*Снимает стюртук и шейный платок. Стратилат идет за ширмы, выносит оттуда фрак и другой галстук. Мошкин глядится в зеркало.*) Что это у меня лицо словно измято? (*Проводит щеткой по голове, начиная с затылка.*) Отчего это Петруша не заходил сегодня? Дай галстук. (*С помощью Стратилата надевает галстук.*) Точно Петра Ильича сегодня не было?

Стратилат. Никак нет-с. Я уж вам докладывал-с.

Мошкин (*с неудовольствием*). Я знаю, что ты мне докладывал... Удивительно! Уж он, полно, здоров ли?

Стратилат. Не могу знать-с.

Мошкин (*плюет*). Тьфу, какой ты! Я не с тобой говорю.

Маланья (*вдруг входя из передней*). Михайло Иваныч!

Мошкин (*круто оборачиваясь к ней*). Чего тебе?

Маланья. Денег на корицу пожалуйста.

Мошкин. На корицу? (*Хватаясь за голову.*) Да ты меня погубить собираешься, я вижу! Как же ты мне сказывала, что у тебя всё, что нужно? (*Роемся в жилете.*) На тебе четвертак. Только смотри, если обед не будет готов через (*смотрит на часы*)... через четверть часа... я тебя... ты у меня... Ну, ступай же, ступай. Чего ты ждешь?

Стратилат (*вполголоса уходящей Маланье*). Ай да куфарка!

Маланья. Ну, ну, фуфыря!

Мошкин. Поди сюда, ты, зубоскал, подай мне фрак. (*Надевает фрак; Стратилат обдергивает его сзади.*) Ну, хорошо, ступай. Да лампы что ж ты не зажигаешь? Вишь, смеркается. (*Стратилат выходит в переднюю.*) Что за притча? Не много я, кажется, сегодня ходил... во всяком случае, не больше вчерашнего, а ноги у меня так и подкашиваются. (*Садится и глядит на часы.*) Четверть четвертого. Что ж это они нейдут? (*Оглядывается.*) Кажется. Всё в порядке. (*Встает и сметает платком пыль со стола. Звонок.*) А! наконец!

Стратилат (*входит и докладывает.*) Петр Ильич Вилицкий и господин фон (*зикается*)... фон Фокин.

Мошкин (*шёпотом Стратилату*). Что это? он велел так докладывать?

Стратилат (*тоже шёпотом*). Оне-С. (*Стратилат выходит.*)

Мошкин (*шёпотом*). А, а! (*Громко.*) Проси, проси.

(Входят Вилицкий и Фонк во фраках. Вилицкий бледен и как будто смущен; Фонк держит себя необыкновенно важно, строго и чинно.)

Вилицкий (*Мошкину*). Михайло Иваныч, позвольте вам представить моего приятеля, Родиона Карлыча фон Фонка. (*Фонк чопорно кланяется.*)

Мошкин (*не без смущения*). Мне чрезвычайно приятно и лестно... Я столько слышал о ваших отличных качествах... Я очень благодарен Петру Ильичу...

Фонк. Я также с своей стороны весьма рад. (*Кланяется.*)

Мошкин. О, помилуйте-с!.. (*Небольшое молчание.*) Покорнейше прошу присесть... (*Все садятся. Опять воцаряется молчание. Фонк с достоинством оглядывает всю комнату. Мошкин, откашлявшись.*) Какая сегодня, можно сказать, приятнейшая погода! Холодно немножко, а впрочем, очень приятно.

Фонк. Да; сегодня холодно.

Мошкин. Та-ак-с. (*Вилицкому чрезвычайно мягким голосом.*) Что это тебя сегодня не было, Петруша? Здоров ты? (*Фонк делает едва заметное движение бровями при слове «тебя».*)

Вилицкий. Слава богу. А что Марья Васильевна?

Мошкин. Маша здорова... Гм. (*Фонку.*) Изволили сегодня гулять-с?

Фонк. Да, я прошелся раза два по Невскому.

Мошкин. Весьма приятная прогулка; такое всё благовидное общество; ну, песочек тоже по тротуарам... Магазины... всё это очень удобно. (*Помолчав немного.*) Можно сказать, Петербург – первейшая столица мира сего.

Фонк. Петербург прекрасный город.

Мошкин (*не без робости*). Ведь за границей-с... ничего подобного не имеется?

Фонк. Я думаю, ничего.

Мошкин. Вот особенно когда Исакий будет окончен;^[2] вот уже тогда точно... преферанс будет значите льный-с.

Фонк. Исакиевский собор превосходное здание во всех отношениях.

Мошкин. Я совершенно с вами согласен-с. А позвольте узнать, его высокопревосходительство как в своем здоровье?

Фонк. Слава богу!

Мошкин. Слава богу! (*Помолчав опять.*) Гм. (*С улыбкой.*) А вот, Родион... Родион Карлыч... Вы, надеюсь, нам сделаете честь... через две недели вот... его свадьба... (*указывая на Вилицкого*), удостойте своим присутствием.

Фонк. Мне будет очень лестно...

Мошкин. Помилуйте, напротив, нам... (*Помолчав немного.*) Вы не поверите, Родион Карлыч, как я счастлив, глядя на них на обоих... (*Неопределенно указывая на Вилицкого и на дверь налево.*) Для старика, холостого человека, как я... можете себе представить... какое это... неожиданное...

Фонк. Да-с. Брак, основанный на взаимной склонности и на рассудке (*он значительно выговаривает это слово*), есть одно из величайших благ человеческой жизни.

Мошкин (*с благоговением выслушивая Фонка*). Так-с, так-с.

Фонк. И потому я, с своей стороны, вполне одобряю намерения тех молодых людей, которые с обдуманностью (*он поднимает брови*) исполняют этот... этот священный долг.

Мошкин (*еще с большим благоговением*). Да-с, да-с; я совершенно с вами согласен-с.

Фонк. Ибо что может быть приятнее семейной жизни? Но обдуманность при выборе супруги – необходима.

^[2] Вот особенно когда Исакий будет окончен... – Строительство Исакиевского собора в Петербурге шло 90 лет – с 1768 по 1858 год.

Мошкин. Конечно-с, конечно-с. Всё, что вы говорите, Родион Карлыч, так справедливо... Признаюсь... вы меня извините... но, по-моему, Петруша должен почесть себя счастливым, что заслужил ваше... благорасположение.

Фонк (*слегка жмурясь*). Помилуйте!

Мошкин. Нет, уверяю вас, я...

Вилицкий (*поспешно перебивая его*). Скажите, Михайло Иваныч... я бы желал видеть Марию Васильевну... мне нужно ей сказать слова два...

Мошкин. Она у себя в комнате... должно быть, теперь одевается... Впрочем, ты можешь постучаться.

Вилицкий. А! Я сейчас вернусь. (*Фонку.*) Вы позволите...

Фонк. Сделайте одолжение. (*Вилицкий выходит вдверь налево.*)

Мошкин (*глядит ему вслед, пододвигается к Фонку и берет его за руку*). Родион Карлыч, вы извините меня, я человек простой... у меня что на сердце, то и на языке... Позвольте еще раз от души, именно от души поблагодарить вас...

Фонк (*с холодной учтивостью*). За что же, помилуйте...

Мошкин. Во-первых, за ваше посещение, во-вторых... я вижу, вы любите моего Петрушу... У меня не было детей, Родион Карлыч... но я не знаю, можно ли к сыну больше привязаться, чем я к нему... Так вот это-то меня и трогает, просто так трогает, что и сказать нельзя... (*У него слезы навертываются.*) Вы извините меня... (*Понизив голос, словно самому себе говорит.*) Что это? как не стыдно... (*Смеется, достает платок, сморкается и украдкой утирает глаза.*)

Фонк. Мне, поверьте, очень приятно видеть такие чувства...

Мошкин (*оправившись*). Вы извините откровенность старика... но я столько об вас наслышался... Петруша отзывается об вас с таким уважением... Он так дорожит вашим мнением... Вы увидите мою Машу, Родион Карлыч: вы увидите... как перед господом богом говорю, она составит его счастье, Родион Карлыч; она истинно прекрасная девушка!

Фонк. Я нисколько в этом не сомневаюсь... Одно расположение друга моего, Петра Ильича, уже громко говорит в ее пользу.

Мошкин (*опять впадая в благоговение*). Так-с, так-с...

Фонк. Я, с своей стороны, Петру Ильичу от души желаю всякого добра. (*Помолчав немного.*) А позвольте узнать, вы, кажется, в первом департаменте столоначальником служите?

Мошкин. Точно так-с.

Фонк. У кого в отделении, смею спросить?

Мошкин. У Куфнагеля, Адама Андреича.

Фонк (*с уважением*). А! Отличный чиновник! Я его знаю. Отличный чиновник!

Мошкин. Как же-с, Как же-с! (*Помолчав.*) А позвольте полюбопытствовать – ведь уже с полгода будет, как вы с моим Петрушей познакомились?

Фонк. С полгода. (*Г-жа Пряжкина выходит из боковой двери, разряженная в пух, с большим бантом желтых лент на цепце; она тихонько подвигается к говорящим, слегка приседая им в спину и перебирая шнурки ридикюля.*) Мне в вашем приятеле особенно нравится то, что он, можно сказать, молодой человек с правилами... (*Мошкин внимательно слушает.*) Это в наше время редко. В нем нет этого ветра... знаете, ветра... (*Вертит рукой на воздухе; Мошкин также вертит рукой и одобрительно кивает головой.*) А это важно. Я сам также молодой человек... (*Михайло Иваныч делает движение, как бы желая сказать: о, помилуйте!*) Я не какой-нибудь Катон...^[3] но...

^[3] Я не какой-нибудь Катон... – Марк Порций Катон, римский политический деятель и писатель (234–149 до н. э.), позднее названный Старшим, в отличие от Марка Порция Катона Утического (95–46 до н. э.). Был известен строгостью своих моральных и общественно-политических требований.

Пряжкина (скромно, но громко кашляя дискантом). Эхем! (Фонк останавливается и оглядывается; Мошкин оглядывается тоже. Пряжкина приседает.)

Мошкин (с некоторой досадой). Что вам надобно, Катерина Савишна? (Фонк медленно приподнимается; Мошкин тоже встает.)

Пряжкина (с смущением). Я-с... я-с... пришла к вам-с... (Фонк ей важно кланяется; она приседает ему и умолкает.)

Мошкин. Эх, как... (Спохватившись.) Позвольте, Родион Карлыч, представить вам... Пряжкина, Катерина Савишна, штаб-офицерша... Марье Васильевне тетка двоюродная...

Фонк (холодно кланяясь). Я очень рад... (Пряжкина опять приседает.)

Мошкин (Пряжкиной). Вам что-нибудь нужно?

Пряжкина. Да-с... Меня Марья Васильевна просила... то есть не то, чтоб просила... а только если б вам можно было... на минуточку...

Мошкин (с укоризной). Что там такое?.. Как же теперь?.. (Украдкой указывая ей на Фонка.) Эх!..

Фонк. Прошу вас не церемониться... если вам нужно....

Мошкин. Вы очень добры... Право, я не знаю, зачем это меня зовут... Впрочем, я сию минуту возвращусь...

Фонк (поднимая руку). Помилуйте...

Мошкин. Сейчас, сейчас. (Уходя с Пряжкиной, он ей высказывает свое неудовольствие.)

Фонк (один; глядит им вслед, пожимает плечами, начинает ходить по комнате. Подходит к зеркалу, охорашивается, потом с гадливостью приподнимает щетку, взглядывает на ширмы). Что это такое? Что это? (Расставляя руки.) Куда это меня привели? Что это за смешная женщина, и старик этот тоже, болтает, плачет... и что за фамильярность такая? Мальчик в каком-то мерзком казакине; всё нечисто... Постель, вот – и квартира, наконец, – что это такое? Должно быть, обед будет прескверный, и шампанское скверное... придется пить... (Стратилат входит и прицепляет зажженные лампы к стене; Фонк глядит на него, скрестя руки; Стратилат с робостью взглядывает на него и выходит.) Что это? как это можно, наконец? Решительно не понимаю... Ослепление какое-то. Впрочем, посмотрим невесту. (Из боковой двери выходит Вилицкий.) А! Вилицкий!

Вилицкий. Мне Михайло Иваныч сказал, что вы здесь одни остались... Извините его, пожалуйста... старик совсем захлопотался.

Фонк. Помилуйте, что за беда?

Вилицкий (жмет ему руку). Вы очень добры и снисходительны... Я вас предупредил... Михайло Иваныч отличный человек... Я его могу назвать своим благодетелем... но вы видите сами: он довольно простой... (Вилицкий ждет, чтоб Фонк его прервал; Фонк молчит.) Не правда ли, он...

Фонк. Отчего же?.. нет. Г-н Мошкин мне кажется весьма порядочным человеком. Конечно, он, сколько я мог заметить, не получил блестящего образования... Но это вопрос второстепенный. Кстати, я здесь видел одну даму... Она тетка вашей невесты?

Вилицкий (слегка краснея и принужденно улыбаясь). Она... небогатая женщина – впрочем, тоже весьма добрая... и...

Фонк. Я не сомневаюсь. (Помолчав.) Вы с г. Мошкиным давно знакомы?

Вилицкий. Года с три.

Фонк. А в Петербурге он давно на службе?

Вилицкий. Давно.

Фонк. Сколько господину Мошкину лет?

Вилицкий. Лет пятьдесят, я думаю, будет.

Фонк. Долго ж он остается столоначальником! А скоро ли я буду иметь удовольствие увидеть вашу невесту?

Вилицкий. Она сейчас явится.

Фонк. Г-н Мошкин мне очень лестно об ней отозвался.

Вилицкий. В этом нет ничего удивительного. Михайло Иваныч в ней души не чаёт... Но в самом деле Маша очень милая, очень добрая девушка... Конечно, она выросла в бедности, в уединении, почти никого не видала... Ну, и робка немного, даже дика... Нет этой развязности, знаете... Но вы, пожалуйста, не судите ее строго, с первого взгляда...

Фонк. Помилуйте, Петр Ильич, я, напротив, уверен...

Вилицкий. Не судите с первого взгляда – вот всё, о чем я вас прошу.

Фонк. Вы меня извините... но ваша доверенность... ваша истинно лестная доверенность ко мне... дает мне некоторое право... Впрочем, с другой стороны, я не знаю...

Вилицкий. Говорите, сделайте одолжение, говорите.

Фонк. Ваша невеста... ведь она... не имеет большого состояния?

Вилицкий. У ней ничего нет.

Фонк (*помолчав*). Да. Ну, впрочем, я понимаю... Любовь...

Вилицкий (*тоже помолчав*). Я ее очень люблю.

Фонк. Да. Ну, в таком случае больше нечего желать, и если этот брак может составить ваше счастье – я вас от души поздравляю. А что, вы сегодня вечером не намерены ли в театр? Рубини поет в «Лучии».^[4]

Вилицкий. Сегодня вечером? Нет, не думаю. Я на днях собираюсь съездить с моей невестой и с Михайлом Иванычем... Но вы как будто еще что-то мне хотели сказать насчет... насчет моей свадьбы...

Фонк. Я? Нет... А скажите, пожалуйста, вашу невесту, кажется, Марьей... Марьей Васильевной зовут?

Вилицкий. Марьей Васильевной.

Фонк. А фамилия как?

Вилицкий. Фамилия... (*Глянув в сторону.*) Белова... Марья Васильевна Белова.

Фонк (*помолчав немного*). Да. А, кстати, отправляемся мы завтра с вами к барону Виде-гопф?

Вилицкий. Как же... если вы хотите меня представить...

Фонк. Я с величайшим удовольствием... Однако который час? (*Глядит на часы.*) Без четверти четыре.

Вилицкий. Пора бы обедать... Да что ж это Михайло Иваныч? (*Оглядывается... Из передней входит Шпундик. На нем старомодный черный фрак с крошечной тальей и высоким воротником; белый тесный галстук с пряжкой; весьма короткий полосатый бархатный жилет с перламутровыми пуговицами и светло-гороховые панталоны; в руке у него пуховая шляпа. Увидя двух незнакомых людей, он начинает кланяться, косвенно шаркая вперед правой ногой, приподнимая левую и прижимая обеими руками шляпу к желудку, (Он вообще изъясляет большое смущение. Вилицкий и Фонк оба молча ему кланяются.)*

Фонк (*вполголоса Вилицкому*). Что это за господин?

Вилицкий (*тоже вполголоса*). Я, право, не знаю. (*Шпундику.*) Позвольте узнать... Вам кого угодно?

Шпундик. Шпундик Филипп Егорыч, тамбовский помещик... Впрочем, не извольте беспокоиться. (*Вынимает платок и утирает лоб.*)

Вилицкий. Мне очень приятно... Вы, может быть, Михаила Иваныча желаете видеть?

^[4] *Рубини поет в «Лучии».* – Итальянский певец Джованни Батиста Рубини (1795–1854) пел в итальянской опере в Петербурге в течение трех сезонов: 1843, 1844, 1845 гг. «Лучия» – опера Гаэтано Доницетти «Лючия ди Ламермур» (1835).

Шпундик. Не извольте беспокоиться... Я уже того-с... Я-с... *(Краснеет, смеется и боком отходит в сторону направо.)*

Фонк *(Вилицкому).* Что за чудак?

Вилицкий. Должно быть, знакомый какой-нибудь Михаила Иваныча... Я его, впрочем, никогда здесь не видал... *(Громко Шпундику.)* Михайло Иваныч сейчас явится. *(Шпундик делает неопределенный знак рукою, улыбается и отворачивается. Вилицкий обращается почти с умоляющим видом к Фонку.)* Родион Карлыч... пожалуйста... вы извините...

Фонк *(пожимая ему руку).* Полноте, полноте... *(Оборачивается.)* А! да вот, кажется, и сам господин Мошкин...

(Из двери налево выходят Мошкин и Маша. Он ведет ее за руку. Вслед за ними выступает Пряжкина. Маша вся в белом, с голубой лентой вокруг пояса. Она очень сконфужена.)

Мошкин *(с торжественностью, сквозь которую проглядывает робость).* Маша, честь имею представить тебе господина фон Фонка. *(Фонк кланяется; Маша приседает, Пряжкина приседает сзади ее. Мошкин Фонку, указывая на Машу.)* Вот-с, Родион Карлыч, моя Маша...

Фонк *(Маше).* Мне очень лестно... Я почитаю себя счастливым... Я давно желал иметь удовольствие... *(Маша не отвечает ни на одну из его фраз и наклоняет голову.)*

Вилицкий. Я надеюсь, Марья Васильевна, что вы полюбите моего приятеля... *(Маша исподлобья взглядывает на Вилицкого... она видимо робеет. Маленькое молчание.)*

Мошкин *(увидя Шпундика).* А, Филипп Егорыч, милости просим. *(Берет его за руку и представляет всему обществу.)* Шпундик, Филипп Егорыч, мой сосед, тамбовский помещик... Сегодня из деревни приехал... Филипп Егорыч Шпундик... Шпундик, Филипп Егорыч...

Шпундик *(раскланивается со всеми и приговаривает).* Много благодарен, Михайло Иваныч, много благодарен...

Мошкин *(громко ко всему обществу).* Милости прошу присесть. *(Маша садится на диван.)* Родион Карлыч! Сюда не угодно ли? *(Указывая на место возле Маши; Фонк садится.)* Филипп Егорыч! *(Указывая на кресло напротив; Шпундик садится.)* Катерина Савишна! *(Указывает на диван подле Маши, Пряжкина садится, сильно сжимая ридикюль руками. Мошкин сам садится на кресло налево.)* И ты, Петруша, присядь. *(Вилицкий делает знак головою и становится возле Фонка. Молчание.)* Гм. Какая сегодня приятная погода...

Фонк *(улыбаясь).* Да. *(Опять маленькое молчание. Он обращается к Маше.)* Петр Ильич; мне сказывал, что вы имеете намерение на днях съездить в оперу.

Маша. Да-с... Петр Ильич... нам предложил... *(Голос у нее прерывается.)*

Фонк. Я уверен, вы останетесь очень довольны. *(Мошкин, Шпундик и Пряжкина слушают его с напряженным вниманием.)* Рубини – удивительный артист. Метода необыкновенная... голос... Это удивительно, удивительно! – Вы, наверное, любите музыку?

Маша. Да-с... Я очень люблю музыку.

Фонк. Может быть, вы сами играете?

Маша. Очень мало-с.

Мошкин. Как же-с, она играет на фортепианах-с. Вариации и прочее всё. Как же-с...

Фонк. Это очень приятно. Я тоже немножко играю на скрипке.

Мошкин. И наверное очень хорошо.

Фонк. О нет! Так, больше для собственного удовольствия. Но я всегда удивлялся тем родителям, которые пренебрегают, так сказать, музыкальным воспитанием своих детей. Это, по-моему, непонятно. *(Ласково обращаясь к Пряжкиной.)* Не правда ли? *(Пряжкина от испуга передергивает губами, моргает одним глазом и издает болезненный звук.)*

Мошкин (*поспешно приходя ей на помощь*). Совершенную истину изволили сказать-с. Я тоже этому не раз удивлялся. Что за пентюхи, подумаешь, живут на свете!

Шпундик (*скромно обращаясь к Мошкину*). Я с тобой, Михайло Иваныч, совершенно согласен. (*Фонк оборачивается на Шпундика, Шпундик почтительно кашляет в руку.*)

Фонк (*продолжая поглядывать на Шпундика*). Мне весьма приятно заметить, что у нас, в России, даже в провинции, начинает распространяться охота к искусствам. Это очень хороший признак.

Шпундик (*трепетным голосом, ободренный вниманием Фонка*). Именно-с, как вы изволите говорить-с. Я вот-с, человек небогатый-с – вот даже можете спросить Михаила Иваныча, – я тоже для своих дочерей фортепианы из Москвы выписал-с. Одно горе: в наших палестинах учителя сыскать довольно затруднительно.

Фонк. Вы, смею спросить, из южной России?

Шпундик. Точно так-с. Тамбовской губернии, Острогожского уезда.

Фонк. А! Хлебородные места!

Шпундик. Места, конечно, хлебородные, но в последнее время нельзя сказать, чтоб очень были удовлетворительны – для нашего брата помещика.

Фонк. А что?

Шпундик. Урожай больно плохи-с... вот уже третий год.

Фонк. А! это нехорошо!

Шпундик. Хорошего точно в ефтом мало-с. Ну, а всё-таки по мере сил трудишься... хлопчешь... ибо долг. Конечно, мы люди простые, деревенские; за столицей нам не угнаться, точно, в столице, конечно, всё первейшие продукты и прочее... По крайней мере, как говорится, по мере сил стараешься, по мере сил...

Фонк. Это очень похвально.

Шпундик. Долг прежде всего-с. Но неудобства большие-с. Иногда просто не знаешь, как ступить. То, се... беда-с! Просто совсем в тупик приходишь... Воображенье даже вдруг эдак ослабнет. (*Он принимает утомленный вид.*)

Фонк. Какие же неудобства, например?

Шпундик. А как же-с! Не то плотину вдруг прорвет. Рогатый, с позволения сказать, скот-с тоже сильно колеет-с. (*Со вздохом.*) Воля всевышнего, конечно. Должно покоряться.

Фонк. Это неприятно. (*Он снова оборачивается к Маше.*)

Шпундик. И притом-с... (*Заметив, что Фонк от него отвернулся, он конфузится и умолкает.*)

Фонк (*Маше, которой Вилицкий шептал раза два на ухо во время его разговора с Шпундиком*), Вы, вероятно, также любите танцы?..

Маша. Нет-с... не слишком...

Фонк. Неужели? Как-то странно! (*Вилицкому.*) Последний бал в Дворянском собрании был удивительно блестящ; я думаю, тысячи три было людей.

Мошкин. Скажите! (*Обращаясь к Шпундику.*) А? Филипп? Вот бы куда тебе съездить. Как ты думаешь, у вас этого не увидишь? (*Смеется. Шпундик уныло поднимает глаза.*)

Фонк (*Маше*). Но неужели же вы не любите туалета – и вообще удовольствий... Это так свойственно...

Маша. Как же-с... я люблю-с...

Фонк (*улыбаясь в направлении Пряжкиной*). Вашим туалетом, вероятно, занимается ваша тетушка? Это не по части господина Мошкина. (*Пряжкину опять от испуга пучит.*)

Маша. Да-с, моя тетушка... как же-с... (*Фонк неподвижно смотрит некоторое время на нее. Маша опускает глаза.*)

Вилицкий (*подходя сзади к Мошкину, вполголоса*). Да что ж обед, Михайло Иваныч? Это ужасно... разговор не клеится...

Мошкин (*вставая и почти шёпотом Вилицкому, но с необыкновенной энергией*). Да что прикажешь делать с этой анафемской кухаркой? Это создание меня в гроб сведет. Поди, Петя, ради бога, скажи ей, что я завтра же ее прогоню, если она не сейчас нам обед подаст. (*Вилицкий хочет идти.*) Да вели хоть этому дармоеду Стратилатке закуски принести – да на новом подносе; а то ведь он, пожалуй! Ему что! Знай только ножами в передней Стучит! (*Вилицкий уходит. Мошкин обращается торопливо и с светлым лицом к Фонку.*) Так-с, так-с, так-с, я совершенно с вами согласен.

Фонк (*не без некоторого удивления взглядывает на Мошкина*). Да-с. А скажите, пожалуйста... (*Он не знает, что сказать.*) Да! г-н Куфнагель где живет?

Мошкин. В Большой Подьяческой, в доме Блинникова, на дворе, в третьем этаже-с. Над воротами еще вывеска такая мудреная. Прелюбопытная вывеска: ничего понять нельзя; а ремесло, должно быть, хорошее.

Фонк. А! покорно вас благодарю. Мне нужно с Куфнагелем поговорить. (*Смеется.*) С ним однажды в моем присутствии случилось престранное происшествие. Вообразите, идем мы однажды по Невскому...

Мошкин. Так-с, так-с...

Фонк. Идем мы по Невскому; вдруг нам навстречу какой-то низенький господин в медвежьей шубе, и вдруг этот господин начинает обнимать Куфнагеля, целует его в самые губы – вообразите! Куфнагель, разумеется, его отталкивает, говорит ему: «С ума вы сошли, что ли, милостивый государь?» А господин в шубе опять его обнимает, спрашивает, давно ли он из Харькова приехал... и всё это, вообразите, на улице! Наконец, всё дело объяснилось: господин в шубе принял Куфнагеля за своего приятеля... Каково, однако, сходство, прошу заметить? (*Смеется; все смеются.*)

Мошкин (*с восторгом*). Прелюбопытный, прелюбопытный анекдот! Впрочем, такие сходства бывают. Вот и у нас – помнишь, Филипп, двое соседей проживало – братья Полугусевы – помнишь? Просто друг от друга не отличишь, бывало. Ни дать ни взять, один как другой. Правда, у одного нос был пошире и на одном глазу бельмо – он же скоро потом спился с круга и оплешивел; а всё-таки сходство было удивительное. Не правда ли, Филипп?

Шпундик. Да, сходство точно было большое. (*Глубокомысленно.*) Впрочем, это, говорят, иногда зависит от разных причин. Наука, конечно, дойти может.

Мошкин (*с жаром*). И дойдет, непременно дойдет!

Шпундик (*с достоинством*). С достоверностью, я думаю, этого сказать нельзя: а впрочем, может быть. (*Помолчав.*) Почему же и нет?

Фонк (*Маше*). Игра природы в таких случаях очень замечательна. (*Маша молчит. Из передней входит Стратилат с закуской на подносе. За ним Вилицкий.*)

Мошкин (*который не садился с тех пор, как встал, суетливо*). Не прикажете ли чего закусить перед обедом? (*Стратилату, указывая на Фонка.*) Поди сюда, ты. (*Фонку.*) Не прикажете ли икорки? (*Фонк отказывается.*) Нет? Ну, как угодно. Катерина Савишна, милости просим – и ты, Маша. (*Пряжкина берет кусок хлеба с икрой и ест, с трудом разевая рот. Маша отказывается.*) Филипп, не хочешь ли ты? (*Шпундик встает, отводит немного Стратилата в сторону и наливает себе рюмку водки. Вилицкий подходит к Фонку. Вдруг из двери передней показывается Маланья.*)

Маланья. Михаила Иваныч...

Мошкин (*как испуганный бросаясь ей навстречу и упираясь коленкой ей в живот, вполголоса*). Куда, медведь, лезешь, куда?

Маланья. Да обед...

Мошкин (*выталкивая ее*). Хорошо, ступай. (*Быстро возвращается.*) Никому больше не угодно? Никому? (*Все молчат. Мошкин шепчет Стратилату.*) Поди, поди скорей докла-

дывай: обед готов. (*Стратилат выходит. Мошкин обращается к Фонку.*) А позвольте узнать, Родион Карлыч, вы ведь в карточки поигрываете?..

Фонк. Да, я играю; но теперь, кажется, мы ведь скоро обедать будем. Притом же я в таком приятном обществе... (*Указывая на Машу. Вилицкий слегка сжимает губы.*)

Мошкин. Конечно, мы сейчас обедать будем. Это я только так... Вот, если угодно, после обеда, по маленькой.

Фонк. Извольте, с удовольствием. (*К Маше.*) Вот вы, я думаю, к картам совершенно равнодушны?

Маша. Да-с, я не играю в карты...

Фонк. Это понятно. В ваши лета другие мысли в голове... А ваша почтенная тетушка играет?

Маша (*немного обращаясь к Пряжкиной*). Играют-с.

Фонк (*Пряжкиной*). В преферанс?

Пряжкина (*с усилием*). В свои козыри-с.

Фонк. А! я этой игры не знаю... Но вообще дамы имеют у нас право жаловаться на карты...

Маша (*невинно*). Почему же?

Фонк. Как почему же? Ваш вопрос меня удивляет.

Вилицкий. В самом деле, Марья Васильевна... (*Маша страшно конфузится.*)

Стратилат (*выходя из передней, громогласно*). Кушанье готово.

Мошкин. А, слава богу! (*Все встают.*) Милости просим, чем бог послал. Маша, дай руку Родиону Карлычу. Петруша, возьми Катерину Савишну. (*Шпундику.*) А мы, брат, с тобой. (*Берет его под руку.*) Вот так. (*Все идут в переднюю. Мошкин и Шпундик позади всех.*) Вот скоро мы на свадьбу так отправимся, Филипп... Да что ты это нос на квинту повесил?

Шпундик (*со вздохом*). Ничего, брат, теперь полегчило... А только, я вижу, в Петербурге – это не то, что у нас. Не-ет. Как озадачил меня!..

Мошкин. Э, брат, это всё пустяки. Вот постой-ка, мы бутылку шампанского разопьем за здоровье обрученных – вот это лучше будет. Пойдем, дружище! (*Уходят.*)

Действие второе

Театр представляет довольно бедную комнату молодого холостого чиновника. Прямо дверь; направо другая. Стол, диван, несколько стульев, книги на полочке, чубуки по углам, комод. Вилицкий сидит, одетый, на стуле и держит на коленях раскрытую книгу.

Вилицкий (*помолчав немного*). Митька!

Митька (*выходя из передней*). Чего изволите-с?

Вилицкий (*поглядев на него*). Трубку. (*Митька идет в угол и набивает трубку.*) От Родиона Карлыча сегодня записки не приносили?

Митька. Никак нет-с. (*Подает Вилицкому трубку и зажигательную спичку.*)

Вилицкий (*раскуривает трубку*). Да!.. Михайло Иванович, может быть, сегодня зайдет – так ты... опять ему скажешь, что меня дома нет. Слышишь?

Митька. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Вилицкий (*некоторое время курит трубку и вдруг встает*). Это должно, однако ж, чем-нибудь кончиться! Это невыносимо! это решительно невыносимо! (*Ходит по комнате.*) Мое поведение, я знаю, непростительно грубо; вот уже пять дней, как я у них не был... с самого того проклятого обеда... но что ж мне делать, боже мой! Я не умею притворяться... Однако это должно чем-нибудь кончиться. Нельзя же мне всё прятаться, по целым дням сидеть у знакомых, ночевать у них... Надо на что-нибудь решиться, наконец! Что обо мне в департаменте подумают? Это слабость непростительная, просто детство! (*Подумав немного.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания